

Субботним январским утром бывший семинарист Илья Хан с мешком просфор зашел с морозного крыльца в пономарку. Первым делом набрал в электрический чайник воды и вскипятил ее. Еще нужно было разложить в алтаре облачение служащему священнику и позаботиться о куче других вещей. Спустя четверть часа пришла баба Люба со своей неизменной авоськой, полной поминальных синодиков. Она была при церкви более пятидесяти лет и уже не мыслила без храмовой молитвы ни одного дня.

— Здравствуй, Илюшенька.

— Здравствуйте, баба Люба, как Ваше здоровье?

— Да хорошо, Илюшенька, слава Богу, спаси тебя Матерь Божья!

Выложив помянники на стол, бабушка пошла в храм — ставить свечки.

Следующими пришли заспанные Санька с Лехой — штатные пономари собора, которые жили в гостевой комнате для ставленников, будучи иногородними.

— Христос Воскресе! — пробасил обычное свое приветствие

лохматый Санька. Похоже, что этому он научился у преподобного Серафима.

— Воистину Воскресе! Опять всю ночь Псалтирь читал?

— Да он в коридоре под дверью стоял, бубнил, так я его в трапезную прогнал. Теперь пусть там молится, — радостно вмешался Леха, приглаживая свои запорожские усы.

— Да ты что, там же Цербер прицеплен — около трапезной. Как ты прошел? — округлил Илья глаза.

Санька широко заулыбался и похлопал того по плечу.

— Илюха, а я перекрестил Божью тварь да и прошел с молитвой.

— Блаженный, — иронически подняв бровь, изрек Леха, — скоро лесного ведмедя прикормит у нашей кельи. Ну, а я-то не святой, потому ведмедь тот меня и заламает. Скорее всего, насмерть.

— Не, ну серьезно, — недоумевал Хан, — он и меня-то не очень уважает, хоть я его и закормил уже. Признает только сторожей. Пашка рассказывал, что Цербер за время своей службы уже три раза рвал цепь. А она, между прочим, с палец толщиной.

Пришел отец Сергей, покрытый мелкими капельками от талых снежинок.

— Здорово, бандиты! Почему лампы на иконостасе не горят?

Санька умчался на солею, а Леха принялся сортировать принесенные записки на заздравные и заупокойные. Диакон облачился в подрясник, встал у подоконника и стал дочитывать Правило ко Причащению.

Отец Петр, служащий священник, стремительно ворвался в пономарку, на ходу сбрасывая дубленку. Обменялся с диаконом рукопожатием и братским поцелуем в щеку.

— Здравствуйте, батюшка, благословите, — подошли под благословение Илья и Леха.

— Не хватало мне еще с утра таких приключений — с пацанами целоваться! — пошутил отец Петр, но благословение все же дал.

— Слушай, — обратился он к хмыкнувшему в ответ отцу Сергию, — вот если бы лет эдак десять тому назад кто-нибудь сказал мне, что я чаще буду целоваться с бородатыми мужиками, чем с собственной женой, — не поверил бы и в морду дал!

Парни прыснули от смеха, а отец диакон лишь сурово посмотрел на собеседника и спросил у него, вызвав тем самым у пономарей новый взрыв веселья:

— Скажи, бать, а вот ты продал бы свою душу дьяволу за двадцать тысяч баксов?

— Да ну тебя! — отмахнулся священник, — пошли входные молитвы совершать.

Вошла баба Люба, опираясь на палку.

— Отвещай ми, баба Люба, — обратился к ней диакон нарочито торжественно, перейдя на утробный бас, — а ты возмогла бы продать душу свою дьяволу баксов ради иудейских?

— Матерь Божья! — воскликнула несчастная старушка и не вышла — буквально вылетела обратно в храм.

Отец Петр закатил глаза и утащил шутника в алтарь.

— А Пашка чего это до сих пор не явился? — забеспокоился Илья о друге, как и он сам, исключенном из семинарии за драку.

— Так ведь он у настоятеля отпросился на утро, — отозвался Леха, задумчиво глядя в богослужебный календарь, — жену в роддоме навестить, кажется, или типа того.

— М-м-м... Благодать! Бородиных скоро на планете станет больше, — сказал Санька, возвратившись в пономарку.

— Да не в роддоме, а в больнице. У нее проблемы там какие-то эти, свои, в общем.

— Ну, так давайте после службы смотаемся.

— Куда смотаемся? — это пришел отец Федор, утирая испарину со лба платком. — Отсюда не смотаешься.

— Батюшка, благословите!

— Бог вас всех благословит и укрепит! Так, где баба Люба? Где мой синодик? Чего стоим? Быстро находим всех и вся!

Разогнав всех пономарей, отец Федор, грузный священник, облачился в просторную греческую рясу и плюхнулся на кушетку. С этой кушетки он будет зорко следить, чтоб возвратившиеся послушники читали во время проскомидии записки и поминальники.

Много забот у пономаря во время литургии. Нет ни минутки, чтобы присесть или даже задуматься о своем.

Вовремя подавать диакону кадило, для которого сперва нужно разжечь на спиральной плитке древесный уголь, да не забыть и о ладане, чтобы был густой ароматный дым. Сам же уголь раз в неделю добывался из дров или упавших тополиных веток.

Всякий раз, когда отверзаются Царские Врата, включать храмовое и алтарное паникадило. И выключать по закрытии. Одним глазом читая записки, другим глядя на диакона и священника — вдруг что-то понадобится.

Ходить со свечой на входы. Тут следует помнить порядок, кто за кем идет, где повернуться, куда поклониться, когда перекреститься. И еще следить, чтоб у тебя и твоего собрата-пономаря подсвечники были на одинаковой высоте, иначе будет ругаться настоятель. Не дай Бог под стихарем окажется не застегнутым воротник рубашки!

Читать Апостол. Целая наука! Каждому дню в церковном календаре соответствует свое апостольское чтение, прокимен и аллилуарий. Читать надо громко, чинно, красиво, да так, чтоб прихожанам было понятно каждое слово. Если сам не понимаешь, что написано, то и прочитаешь так, что не поймет никто, даже служащий священник. А за такое можно получить земных поклонов. Пятьдесят, сотню. Никакие отжимания даже не идут с этим в сравнение.

Нарезать антидор, приготовить запивку, блюсти, чтобы все лампадки горели ровно, поправляя их фитили, подливая вовремя масло. Держать с диаконом плат, пока священник причащает на амвоне. Вынести на молебен столик для записок, трепник, водосвятную чашу и кропило.

После службы — уборка. Облачения развешиваются, все раскладывается по местам. Пол в алтаре и пономарке очищается от восковых пятен и моется со стиральным порошком. После уборки пономари идут в трапезную, где их ждет вкусный обед и обсуждение прошедшей службы.

Помимо Апостола пономарь должен уметь читать на церковно-славянском языке Шестопсалмие, канон на утрени и Часы, чтобы выручать певчих, когда у тех проблемы с голосом. Ну или — даже если проблем нет, а просто хочется — постоять среди девчонок, перекинувшись с ними парой шуток. Чаще всего

будущие семейные пары образуются именно тут, на клиросе, во время чтения Часов.

А еще обязательно нужно знать и понимать состав и последовательность богослужения. Тут уж то священник подскажет, то диакон даст нагоняй, то сердобольные псаломщицы возьмут над тобой шефство.

Чудное место — пономарка. Здесь тебе и школа дисциплины, и ускоренные курсы богословия, когда, раскрыв рот, слушаешь разговоры и дискуссии священнослужителей. В этом месте завязывается настоящая дружба на всю жизнь, тут научаешься любить все, что связано с Церковью. Будучи преддверием алтаря, пономарка подготавливает будущих диаконов, священников и епископов. Являясь преддверием Царствия Небесного, словно сад при Эдеме, пономарка дает навык возделывать свое сердце, хранить и умножать православную веру.

Пройдет не больше года, как Илья женится на красавице Ирине, из-за которой он чаще других бегаёт на клирос петь и читать, затем они с Павлом будут рукоположены сперва во диаконов, затем и во священников. Семинарию они окончат уже заочно. Алексей уедет в родное село, где начнет заниматься строительством деревянного храма, став старостой. Александр поступит в число братии аж самой Троице-Сергиевой Лавры, мечтая после попасть на святую гору Афон. И они станут лучшими друзьями, готовыми отдать друг за друга жизни.